
Алексей НЕБЫКОВ

АПОСТАСИЯ ОТ ЛЮБВИ

Рассказ

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу... Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром...

Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание

Анастасия

Черное небо, белый снег. Ветер, хлесткий ветер, как сумасшедший мельник, сбивал Настю с ног в этот утренний час, налетал со спины, рвал подол пальто, крутил выбивающиеся из-под шапки миндальные волосы, подгоняя на важную встречу, результатов которой теперь ждали на всем белом свете. Всего через несколько часов Совет по науке и безопасности должен был утвердить положение стрелок на часах Рокового дня, установив время до наступления необратимой катастрофы.

В этом году международная комиссия ученых и нобелевских лауреатов собралась для проведения столь масштабного действия в России. Такая честь была оказана стране за успехи по борьбе с бушевавшим по всему миру вирусом. Именно русские сумели создать безопасную вакцину и безвозмездно поделились результатами с народами всего мира, не думая о расчете, прибыли и собственных интересах. И как русский танец, широкий и открытый, достижения лучших в России умов хлынули в мир — безбрежно и бескорыстно.

Настя работала микробиологом в ИЦ имени Гамалеи в Москве, именно в ее лаборатории была разработана применявшаяся повсеместно вакцина «Спутник победы». Она знала все о пандемии и вирусах и была приглашена экспертом на итоговое совещание в знак благодарности за свою работу, чтобы огласить перед миллиардами людей во всем мире решение Совета.

Алексей Александрович Небыков родился в 1982 году на острове Сахалин. Окончил МГЮА имени О. Е. Кутафина и ВЛК Литературного института имени А. М. Горького. Рассказы публиковал в журналах «Нева», «Роман-газета», «Москва», «Аврора», «Бельские просторы», «Крым», «Петровский мост». Живет в Москве.

Москва в эти дни была закрыта на карантин, и потому участникам Совета предложили разместиться в одной известной писательской резиденции недалеко от Рязани, чтобы там огласить новость всемирного значения.

И на такую важную встречу опаздывала теперь Настя. Причины были очень для нее важны, но, пожалуй, в масштабах решаемых сегодня вопросов могли показаться любому незначительными и слишком частными. Ее Петр заболел. Первые симптомы недуга были такими же скверными, как и те, что были у него когда-то давно, в пору первых случаев вирусных заболеваний.

В ту нервную ночь Петр все никак не мог уснуть. Пил много воды, пошатываясь, ходил по комнатам, пугливо озирался, косился все на что-то в темных углах квартиры, прерывисто, даже со свистом дышал, а после полуночи слег в лихорадке.

Насти не было рядом. Исследования, важный научный проект — ее группа как раз работала над вакциной. Но она бесконечно звонила, советовалась и даже ругалась с коллегами, обсуждая назначения и принимаемые меры, — до тех самых минут, пока врачи не приехали и не забрали Петра в реанимацию. А дальше был какой-то дурной сон. Петр долгое время боролся за жизнь, и многие месяцы прошли, прежде чем они снова встретились.

В те далекие дни их разлуки Настя сожалела, что не успела сказать Петру несколько слов на прощание, а потому сегодня утром она, с опаской оставляя дом, написала записку, где рассказала о своей привязанности и о том, чтобы он не боялся, так как теперь все привиты, и течение недуга быстро пойдет на спад...

Резиденция писателей, отданная на время совещания Совету, располагалась на дне оврага, вдоль реки, называемой местными Медвенка. Раньше там стояло всего несколько изб, а крутые склоны оврага были усеяны частыми деревьями и кустарниками. Теперь же склоны превратились в почти отвесные стены, растительность выкорчевали, а дома разрослись по обоим берегам реки. И только Медвенка, по-прежнему замерзая в ноябре и вскрываясь в апреле, вытекала на север у какого-то давно позабытого села, чтобы пересечь несколько шоссе и соединиться со своей старшей, стремительной сестрой-рекой.

Спускаясь в низину по крепкой металлической лестнице, словно в снеговую купель погрузилась Настя. Веретеном запылила вьюга откуда-то со дна оврага. Настя закашлялась, закрыла глаза, а когда снова попыталась разглядеть окрестности, увидела внизу ухоженные, припорошенные снегом деревянные дорожки, редкие деревья, укутанные оставшимися с новогодних дней гирляндами, висячие обледеневшие мостики над рекой и спрятавшиеся в тумане дома с белыми крышами, которые, казалось, парили в облаках. Каждый год в Рождество здесь случалась книжная ярмарка «Русские», собирались писатели со всех удивительных городов России и устраивали встречи и презентации, чтения и мастер-классы, играли в снежный бой, топили дровами баню, покупали в лавках жареные каштаны, сладкую вату, елочные игрушки и другие сувениры, а еще пили водку и совершали такие поступки, о которых не принято писать в прозе.

Но теперь здесь было тихо, приехали гости, важный Совет. Воздух в низине был глухим и холодным. У Насти заоченели пальцы, и ей хотелось скорее дойти до людей, до тепла. Сойдя с лестницы на берег, она увидела неширокий деревянный настил. Ступая по его накрытой снегом поверхности, Настя обнаружила, что под ногами лед, было очень скользко, и каждый шаг давался с трудом.

«Хоть бы песком посыпали или золой», — думала Настя, разглядывая показавшийся впереди большой трехэтажный сруб, расположенный на склоне выше домов, тумана и замерзшей реки.

В этом первом доме писательской резиденции, месте встреч молодых талантов с легендарными кураторами известной на всю страну литературной школы, теперь располагался главный учебный центр. Сюда-то и заехали еще неделю назад ученые, эксперты, знатоки, лауреаты Нобелевской и других премий. Осмотрев достопримечательно-сти, проведя первые совещания, члены Совета должны были обсудить сегодня главные, всеобщие угрозы, составить список предупреждений и определить положение стрелок на часах, следя за которыми каждый из нас должен был приосаниться и вспомнить о возможном близком финале и находящейся всегда рядом гибели.

Подбегая к резиденции, Настя заметила мелькнувшую тень на другом берегу. Тень скоро выскочила из тумана и остановилась у одинокого сохшегося дерева недалеко от висячего моста, соединяющего берега реки. Крупный черный пес приветливо разглядывал Настю. Его мощная смоляная голова задорно выписывала круги в воздухе, а лапы пружинили от нетерпения, и казалось, что он вот-вот встанет на дыбы. Настя испугалась и стала быстро подниматься к месту совещания по скрипучим деревянным ступеням.

На небольшом плато, у верхнего края оврага стоял трехэтажный сруб. Настя иначе представляла его. В уведомительных листках, разосланных накануне, был изображен гигантский деревянный дом, справленный под старину из светлой необработанной ели, с массивными дверями, нарезными ставнями и широким крыльцом. Теперь же дом больше походил на гибрид современного и исполненного в старом стиле сруба. Широкое крыльцо превратили в стеклянный тамбур с автоматическими распашными дверями, деревянные ставни заменили на оконные жалюзи, всю крышу искололи антеннами и облепили солнечными батареями, а вдоль обрыва помещался парад флагов различных стран, да и сама древесина теперь выглядела тусклой и помутневшей.

Часы

Вбежав внутрь, Настя оказалась в душно натопленной, просторной зале: никакой старины, кругом современное деловое пространство, серые стены, много искусственного света, повсюду аппаратура и провода. В центре высился модный камин из стекла. Его пламя то и дело взмывало под потолочные балки, освещая столы с напитками и закуской, вокруг которых крутились нарядно одетые люди. В такие минуты жар разносился по комнате, а лица незнакомцев в отвесах огня казались красными говорящими масками, будто отлитыми из багряной меди.

Привратник помог Насте раздеться, и она, румяная с мороза, подошла к огню. У камина было жарко, так и хотелось подставить заочневшие ладони пылким языкам пламени, бушующим за стеклом.

Заседание еще не началось, значит, Настя не опоздала и хорошо, что решила задержаться дома...

— Anastasia, over here, — позвала Настю Брон Рэйчелсон, председатель Совета, невысокая женщина с неизящными, крупными, но приятными чертами лица, с впечатлительными, печальными глазами, скрытыми крупной черной оправой. Одета она была броско. Высокие каблуки, черные брюки, пиджак цвета шардоне и широкий синий шейный платок.

Настя вставила в ухо голосовой переводчик и теперь могла свободно общаться с участниками из любых стран.

— Наконец-то ты подошла, — перевел слова Брон Рэйчелсон переводчик. — Как у тебя дела? Вижу, отлично! А мы совсем скоро начинаем. Случились неполадки с часами, теперь их устранили, и мы можем приступить к работе. Но сначала я должна те-

бя со всеми познакомить, а еще показать, как устроены часы, — и председательница пригласила Настю пройти к окружавшим камин людям.

— Сейчас участникам предлагают закуски, а после совещания состоится банкет, где мы откроем несколько восхитительных бутылок калифорнийского вина. Хотя доктор Энви Жалуз, член Совета и профессор политологии Парижского университета, жаловался, что мы не привезли в этот раз его любимое французское бордо.

— Дорогой Энви, как вам раски и эти русские закуски? — обратилась Брон Рэйчелсон к интеллигентному худощавому мужчине в темно-синем костюме, аккуратно выбритому, с идеально уложенными волосами, в непримечательных очках без оправы. — Идите к нам, я познакомлю вас с главным доктором по вакцине в России.

— О, ви, ви, я читал о вас подробную статью в журнале «Лансет», Анастасья. Милая Брон, а вы не думали, что слово «раски» — это файтинг-слово, и вы можете не нарочно обидеть нашу подругу, — и Энви, снимая с груди салфетку, с нежностью посмотрел на Настю.

— Простите мне мою бестактность, но я не хотела никак вас обидеть...

— Ничего, ничего. Ми лайк Америка, — прервала Брон Настя и засмеялась. — Я рада знакомству, доктор Энви. Что особенно вы рекомендуете из угощения?

— О, у меня вчера случилась индигестия, и это просто трагедия, я не могу позволить себе теперь в питании развязность, но пирожки-расстегаи из кролика и осетрины — объедение. А еще эти блины, поджаристые, пухлые, с икрой и паштетами. Я проглатываю их не прожевывая и чувствую в животе искры удовольствия.

— Пироги и выпечка действительно загляденье. Все эти сочники, манники, ватрушки, и как это у них называется? Каша, ммм, обязательно попробуйте, — подошла к беседующим круглолицая индианка с черными волосами, в строгом костюме оливкового цвета, разламывающая что-то из выпечки прямо руками.

— Это доктор Ардже Джоша, член Совета, исполнительный директор Комиссии по биозащите. Поклонница хатха-йоги, пьет исключительно воду, а хлеба касается только руками, чтобы не портить карму, — прошептала Насте Брон. — Доктор Ардже, познакомьтесь с Анастасией, именно ей предстоит огласить наши решения всему миру.

Вскоре Настю представили и другим участникам совещания: Сирлин Джэн Солит, руководителю Всемирной организации помощи, нобелевскому лауреату Премии мира, действующему президенту одной из африканских стран; Джеку Драуну, члену Совета, губернатору Калифорнии; и Алексею Юшкину, профессору факультета глобальных процессов Ленинградского университета.

Соотечественник вызвал у Насти особый интерес, и они с теплотой проговорили некоторое время. Алексей был русым мужчиной средних лет, с аккуратной бородой с проседью, широкоплечий, коренастый, с большими голубыми глазами. Он добродушно рассказал Насте, что уже успел распробовать местный, изумительно сваренный мед, который официанты неустанно приносят в сосудах, и собирается непременно после бани с маху проломить лед Медвенки. Какая-то особая, кипучая радость жизни чувствовалась в Алексее; что-то не заемное, общее, а понятное о действительности лишь ему и Насте проявлялось в его повадках и речи.

Разговор с профессором Юшкиным прервала Брон: она позвала Настю в часовой зал.

«Часы...» — спохватилась Настя, отпросилась у председателя и набрала Петра по мобильнику, потом позвонила на домашний телефон. Длинные гудки, затем обрыв связи, длинные гудки и снова обрыв. Дозвониться она так не сумела и вернулась растрепанная к Брон.

Часовой зал располагался в боковой от камина комнате. Теперь он был пуст, его освободили перед совещанием. На стенах и на полу остались следы от стоявшей недавно мебели, прикрученных ножек, от картин и навесных полок. Сейчас на высоких

кронштейнах под потолком размещались хищные, крупные камеры, лампы холодного света упирались повсюду в пол своими черными треугольными ногами-спицами. Трибуну для выступлений установили в самом центре, и какие-то люди прикручивали к ней микрофоны.

В хорошо освещенном углу, в дальнем конце часового зала, на двух долговязых черных ногах размещался белый циферблат, похожий на школьную доску. Точнее, это была его четвертая часть — временной интервал с девяти до двенадцати. Каждый час отмечала одна из четырех черных точек, дугой-ресницей снизу вверх шла черная толстая линия, примета неумолимого течения времени, а две разновеликие черные стрелки показывали девятый час.

У часов с угольным крепом в руках крутились хранители. Они разворачивали ткань, чтобы спрятать лицо времени, но Брон Рэйчелсон окликнула их и жестом попросила остановиться.

— Господа, знакомьтесь. Это Анастасия — доктор наук, руководитель российского отдела эпидемиологии. В назначенный час она подойдет к вам и укажет позиции стрелок на часах.

Хранители улыбнулись Насте глазами, лица их были скрыты масками.

— Затем вам нужно будет занять место за кафедрой и зачитать сообщение. Не спешите, прочувствуйте момент, его колоссальное значение. А эти механические друзья, — Брон указала на камеры под потолком, — будут окутывать вас со всех сторон, запечатлевать каждое движение, каждое произнесенное слово. Как только вы огласите позицию часов, хранители снимут полотно, и миллиарды людей во всем мире увидят наше предостережение и, я надеюсь, решатся на правильные меры, заставят правительства прислушаться и многие вещи изменить.

Настя поблагодарила председателя и пообещала выполнить все надлежащим образом. Она хотела было добавить, что ценит оказанное доверие, осознает важность момента, но Брон, не дослушав, отошла от нее. Председатель была недовольна прямоугольным пятном в верхнем углу позади часов и руководила перемещением всей часовой конструкции ближе к центру.

Настя вышла из зала. И снова попробовала дозвониться домой — безуспешно. Тогда она попыталась успокоить себя воспоминаниями.

Петр был молодым ученым, среднего роста, совершенно не приспособленным к делам житейским. Любил носить одни и те же вещи, затаскивая их до замечания. Мог до рассвета сидеть над статьей, изучая точки зрения и приговоры коллег. И хотя был нежен до теплоты, всегда с улыбкой терпел, уступая Насте право наводить в комнате свежий воздух, и отчаянно дрожал, пока она не кутала его в плед, лежащий рядом с ним в корзине...

Петр

«Болезнь одолевает тех, кто не борется с нею всеми силами души, — думал Петр, тяжело переворачиваясь в кровати на другой бок. — А я держусь, не уступаю. Многие еще смогу пытки в груди перетерпеть».

Последние дни Петру сильно нездоровилось. Дыхание было горячим, ослабли ноги. Дома теперь царило глубокое безмолвие. Петр раньше всегда был жадным до тишины, а сейчас хотелось услышать скрип петель, голоса, шаги, а не это сосредоточенное вокруг него молчание.

В голову лезли скверные мысли. Очень хотелось пить, но он никак не мог подняться и досадливо гадал, почему он теперь один и никто не ходит за ним, не помогает.

«Пожалуй, эта болезнь мне даже на пользу. Лежу здесь теперь без проку, не дрожу ни за что, не беспокоюсь...» — надумал себе Петр и взял с прикроватного столика какой-то журнал.

В разделе «Прошлое» нашел дневник художника Целебровского и с интересом прочел воспоминания о вскрытии большевиками в 1919 году мощей святых Петра и Февронии, которые и через восемьсот лет не истлели и не превратились в пыль на удивление дуракам и зевакам, собравшимся в тот базарный день у монастыря.

«Вот ведь как бывает: и после смерти рядом, и цветут. А ведь и я тоже Петр, и корни мои из Мурома, значит, где-то должна быть и моя Вроня...» — теперь Петр понял, чего так сильно ему не хватало...

«Память, говорят, с годами от ненужного избавляется. А вот мою, как назло, на самом важном заклинило. Была ведь и у меня жена... Да где же она?.. И почему даже имени ее не припомню?!» — рассердился Петр и подскочил на кровати. Он решил непременно подняться, чтобы вспомнить настоящее имя своей Врони, разыскать в квартире ее следы.

Он начал ходить по комнатам, страдая одышкой и непрестанно кашляя. Боль рвалась из груди, а лицо покрыли вязкие капли пота. Он пытался отыскать то, что поможет воскресить позабытое. Но видел все кругом словно в тумане, не мог ничего четко разглядеть.

Тогда он направился на кухню, чтобы выпить. Дойдя до холодильника, открыл и тут же закрыл холодную дверцу. Аппетита не было, и теперь он окончательно понял, что потерял запахи. Записки для него нигде не нашлось, не обнаружил он и телефон. Петр попил воды и вдруг заметил недалеко от мойки подвешенный на шнурке фотоснимок. Научная кафедра, группа ученых, он в центре, во втором ряду, а в первом, сразу перед ним, его Вроня.

В лице ее и в глазах любой бы сумел разглядеть ту неподражаемую радость жизни, ту готовность всех и сразу покорить, ту приятность, которою дышит в любой момент своей жизни неподдельная красота. Петр стал воскрешать в памяти фрагменты позабытой жизни. Он припомнил все про нее, кроме имени...

Снимок был сделан в день их первой встречи. Петр приметил интересную девушку в зале, когда поднимался на кафедру для доклада на большой конференции. А дальше, во время прений, она зацепила его незнанием пустячных деталей, и он, не возражая и не вступая в спор, лишь пошутил, что не может равняться с молодым ученым, выросшим, очевидно, на белорусской картошке, насыщенной калием и солнечным светом. Зал шутку принял и разразился смехом. Она покраснела и в конце дня сурово пробежала мимо Петра, коснувшись его лица теплым и влажным дыханием.

А дальше их включили в одну рабочую группу на все дни конференции. Оказалось, что они давно состояли в электронной переписке по вопросам вирусологии. Такое внезапное второе знакомство отметили в кафе мороженым и в конце концов, в ходе череды удивительных дней, они сблизились, а затем и поженились.

Петр вспомнил, что его Вроня имела какую-то особую склонность к семейной жизни, любила свой дом больше всего на свете. Его квартира с ее приходом словно просветлела. Каждая мелочь нашла свое место, каждый угол — применение. Кухня и комнаты теперь содержались с особой опрятностью, ароматное белье наполняло ласковым уютом спальню. Казалось, все в доме теперь улыбается, и не было никого счастливее на свете.

«Пол, всегда такой чисто вымытый, сейчас не кажется уж таким... — с сожалением подумал Петр, продолжая предаваться воспоминаниям. — А еще не слышно пения дверных петель и разносящихся по всему дому звуков шагов Врони, которая пе-

релетала из комнаты в комнату по привычным хозяйским делам, приходя вечером с работы».

Запустение пришло не сразу, оно наступило с пандемией, которая завладела умами и временем ученых на всей земле. Научные отделы и лаборатории переустроили, каждая группа теперь стремилась уйти в прорыв в борьбе с единственной, не виданной ранее болезнью.

Его Вроня возглавляла один из таких отделов, но гибель людей не могла остановить. Не получилась у ее группы вакцина. Ученые работали круглые сутки, и все чаще она задерживалась на работе и реже подходила к телефону в течение дня.

А потом придумали экспериментальную группу, разрешили первые пробы на людях. И Петр впервые за несколько последних месяцев снова увидел ее. Он стал одним из тех нескольких сотен, кто решился на укол.

Петр помнил, как долго шел по больничному коридору вдоль светло-зеленых стен под холодным искусственным светом. Кругом неживые запахи и испуганные лица таких же испытываемых, как он.

А дальше она устроила скандал, долго, потерянно говорила, как это опасно, признавалась, что они не готовы и не уверены, объясняла, что процент успеха ничтожно мал. А Петр шутил, уверял, что теперь она точно отыщет способ и пробудится для решительной борьбы.

А еще он признался, что с ее уходом он будто лишился чего-то очень важного, а еще перестал мечтать о том, чего раньше с ними не было. Все, чего он теперь желал, без нее превратилось в моменты прошлого. Он день за днем лишь жаждал повторения давних дней. Той конференции, где случились первая встреча и невкусное мороженое в кафе, поцелуи украдкой и сонные доклады. Тех волнующих дней знакомства с родителями и ловкого побега с обеда в честь помолвки от родственников, которые сначала не хотели Вроню за него отдавать, а затем он их переспорил. Все другое, что могло еще в жизни Петра произойти, казалось ему в тот момент таким неважным, бессмысленным лишь потому, что этого раньше с ними двумя не было.

И Петр сделал укол. Вакцина не помогла, а, наоборот, свалила его, тяжело свалила, с обильным поражением. Теперь он ходит с трудом, изолирован дома, а еще случаются проблемы с памятью...

Петр выпил еще воды и снова лег в кровать.

«Как-то очень мне теперь нехорошо...» — пробормотал он и позабылся беспокойной дремой, жалея, что имени так и не вспомнил.

Совет

К полудню все приготовления были завершены, закуски распробованы, визитки отсканированы, и члены Совета стали проходить в совещательную комнату, где рассаживались на заранее подготовленные за круглым столом места.

Насте и секретарям был выделен небольшой закуток в углу, рядом с кофемашиной, термосами, лимоном и другими привычными для чаепития вещами. Их стол располагался на возвышении, и Настя прекрасно видела все, что происходило внутри.

Комната была непримечательной. Все стены закрывали дымчатые плотные шторы, под потолком висели большие лампы, на широком столе Совета стояли национальные флаги, минеральная вода, модные стаканы из голубого стекла, лежали листы ослепительно-белой бумаги, а на них разноцветные ручки и карандаши. Широкий экран был закреплен на одной из стен, вокруг него крутились техники. Юлихико Хузаки, губернатор одной из сорока трех префектур Японии, должен был присоеди-

ниться позже к Совету по видеосвязи. Страна была закрыта на карантин, и он не сумел выбраться в Россию.

Настя думала о своей скромной роли в сегодняшнем дне, о том, что важные люди привечают теперь ее как выдающегося ученого, добившегося успехов в деле защиты жизни людей.

«А если бы моя команда не преуспела? Если бы вместо результатов она продемонстрировала промахи, — сомневалась про себя Настя, — стали бы все эти иностранцы, чужие люди, терпеть ее неудачи, принимать со всеми недостатками... А Петр отчего-то любил меня просто так, как обычного человека, понимал все без слов, жалел и заботился без причины и повода...»

Брон прервала размышления Насти, начав заседание.

— Добрый день, друзья, я Брон Рэйчелсон, председатель Совета по науке и безопасности. Приветствую вас на итоговом совещании. Сегодня нам предстоит сделать апдейт на часах Рокового дня и представить общественности, политикам и ученым информацию о главных техногенных угрозах человеческому существованию. И прежде всего мы должны ответить на два важных вопроса. Человечество и планета в наши дни более защищены по сравнению с предыдущим годом или, наоборот, подвергаются теперь сильнейшему риску?.. Какие главные риски мы можем выделить сегодня?.. Из года в год Совет по науке и безопасности, применяя интеллектуальную строгость и не уклоняясь от тревожных истин, предупреждает мировых лидеров и человечество об опасности, делает все, чтобы они осознали, какая серьезная работа должна быть проделана ради сохранения жизни на Земле и какое глобальное взаимодействие на всех общественных уровнях должно быть внедрено. Хочу напомнить Совету, что в прошлом году мы поставили часы на самое близкое к роковому часу время, в каком они когда-либо находились с момента создания в 1947 году. Всего сто секунд отделяло нас от катастрофы. И сегодня человечество ждет от нас новых взвешенных решений, а мы должны честно выполнить свой долг и, став голосом разума, предупредить общественность, политиков и ученых. Для первого доклада я предоставляю слово доктору Ардже Джаша, члену Совета, исполнительному директору Комиссии по биозащите.

— Спасибо, Брон, за предоставленную возможность и за то, что возглавила нашу дискуссию. Для меня большая честь делать первый доклад. Человечество ранее уже сталкивалось с различными заболеваниями и биологическими атаками. Разрушительные пандемии были давно предугаданы художниками и в научной фантастике, и в кино. И вот теперь мир столкнулся с новым вирусом, его не смогли вовремя остановить, и он быстро распространился и мутировал, став еще заразнее и смертоносней. Болезнь показала нашу незащищенность, продемонстрировала разрушительные последствия прогресса науки и технологий в действии. Более двухсот семидесяти четырех миллионов человек по всему миру были поражены, и, к сожалению, около пяти миллионов из них не смогли справиться с недугом. Не стало самых незащищенных из нас, наших с вами старших: сестер, братьев, родителей, дедушек и бабушек. Но несмотря на массовую летальность, серьезные и длительные последствия, по мнению экспертов Совета, эта конкретная пандемия не сможет уничтожить цивилизацию и не должна влиять на перевод стрелок часов ближе к полуночи, к роковому часу. Мы верим, что болезнь в конце концов отступит, а все принятые меры помогут сохранять наш мир в безопасности. Поэтому рекомендую рассмотреть вопрос о невключении в состав экзистенциальных угроз сегодняшнего дня covid-19...

«Не включать covid-19 в состав угроз... Как же так? — возмущалась про себя Настя. — Ведь умирали не только старшие, были жертвы и среди детей, и среди супругов. Петр... А если он не выберется? Что если вот прямо сейчас позвонят и скажут

про него какую-то неизменяемую гадость... И станут называть меня одинокой, а дом наш вдовьей пристанью... Как же не включать, что может быть для меня опаснее?..» — и Настя с досадой перевернула экраном вниз лежащий на столе телефон, будто испугавшись, что он вдруг зазвонит и засветится.

— Спасибо, Ардже, — продолжила Брон, когда первый доклад был окончен. — Теперь я бы хотела предоставить слово Сирлин Джэн Солит, руководителю Всемирной организации помощи, нобелевскому лауреату Премии мира, действующему президенту Либерии.

— Здравствуйте, дорогие коллеги. Высочайшая радость для меня быть частью сегодняшнего события, — приступила к докладу темнокожая женщина с печальным, умиротворенным морщинами лицом, в раскосых очках, крупных жемчужных украшениях и с искусно драпированным на голове платком пурпурного цвета. — Благодарю председателя, членов Совета, а также всех экспертов и специалистов, работавших на протяжении года и подготовивших материалы для сегодняшнего дня. Эпидемия показала, насколько мы не готовы к чрезвычайным ситуациям. В дни подлинного кризиса правительства сразу стали снимать с себя ответственность, игнорировали научные рекомендации, отказывались сотрудничать. В результате пострадали здоровье и благополучие граждан, многие гибли напрасно... Нежелание тех, кто принимает решения, эффективно общаться привело к тому, что ложная информация быстро распространялась через Интернет, серьезность пандемии искажалась, пропагандировались неэффективные методы лечения и бесполезные меры защиты, процветали конспирологические теории, движимые заинтересованными политиками и пристрастными СМИ. В прошлом году ложь буквально убивала... Поэтому Совет считает, что настоящей разрушительной угрозой наших дней стала массовая инфодемия. Социальные сети, поисковые системы и другие технологические приложения вводят человека в заблуждение, вызывают у него ярость, побуждают импульсивно реагировать, относиться с недоверием к государственным институтам и даже нападать на них. Сегодня, когда ученые всего мира объединились для создания методов лечения и вакцин, чтобы подавить пандемию, наши национальные лидеры должны лучше противостоять дезинформации, а еще прислушиваться к ученым и сотрудничать с ними. Кроме того, как показал covid-19, индивидуальные решения обладают колоссальной силой, многое в успешной борьбе зависит от каждого из нас — делать или не делать прививку, надевать или нет маску, оставаться ли дома. А потому и граждане всего мира должны организоваться и требовать борьбы с дезинформацией посредством протестов, у избирательных урн и другими способами. И тогда мрак инфодемии рассеется. И мы преуспеем. Предлагаю, при расчете положения стрелок часов, принимать во внимание массовую инфодемия, губительную болезнь сегодняшнего дня.

— Предложения учтены, благодарю, Сирлин, — подключилась к разговору Брон. — А мы движемся дальше. Следующим выступит доктор Энви Жалуз, член Совета и профессор политологии Парижского университета. Прошу вас, коллега.

— Мерси, шарман Брон. Друзья, большая честь для меня выступать с настоящим докладом. Я буду говорить теперь о климате и тоже начну с пандемии. Разразившийся covid-19 и связанный с ним экономический спад действительно сильно сократили выбросы углекислого газа... Но! Это временное сокращение не является ни устойчивым, ни достаточным. Наш мир продолжает нагреваться, и климат по-прежнему движется не туда. И если мы все так же не хотим страшных пожаров, мощных циклонов, сильных осадков, то должны продолжить борьбу, пока не достигнем нуля в показателях выбросов. И вот тут возникает главный вопрос! Пойдут ли правительства при решении здравоохранительных задач по пути создания зеленых технологий, будут ли принимать

дорогостоящие меры? Мы видим, что некоторые страны, выбросы которых составляют чуть ли не четверть общемирового объема, выходят из Парижского соглашения. И это, конечно, абсолютная безответственность...

— Мистер, я бы попросил вас без ненужных обвинений! — прервал доклад Джек Драун, губернатор Калифорнии, седой американец, одетый в повседневное: вязаный свитер и клетчатую рубашку. — Мы тоже выходим и протестуем против фабрик, неправильных решений и...

— Коллеги, простите. Давайте не будем перебивать друг друга. Доктор Энви, продолжайте, — вмешалась Брон.

Доктор Энви заговорил про неустроенное международное сотрудничество, неразвитую экологическую инфраструктуру, дорогостоящие низкоуглеродные отрасли, которым производственные компании отказывают в экономической целесообразности, и о многом другом, влияющем на ухудшение климата...

Настя прослушала часть речи Энви, беспокоясь о том, что до сих пор не получила от Петра сообщения, и все никак не могла дожидаться окончания доклада.

Алексей

Выскочив наконец из совещательной комнаты, Настя хотела было выйти на улицу, но привратники не выпустили ее, сказав, что до момента перевода часов и окончания официальных мероприятий никто не имеет права покидать центр. Настя снова набрала Петра. Ответа не было. Она хотела звонить соседям, чтобы постучали в дверь, но обнаружила, что связи у нее нет.

В это время из комнаты вышла Брон и попросила Настю вернуться — есть протокол, ведется запись, вынужденно теперь прервались. Настя извинилась и заняла свое место.

Следующим выступал Юлихико Хузаки, губернатор префектуры Японии. Он присоединился к Совету по видеосвязи из Токио. На большом экране показался недвижимый, точно окаменелый, уверенный в себе японец средних лет, в строгом костюме, с разноцветным значком на груди, с аккуратно зачесанными назад волосами. За его спиной располагались государственные флаги и нарисованный черной краской на стене иероглиф. Его лицо не выражало никаких эмоций, кроме решимости и напряжения, и казалось, что в таком судорожном состоянии он способен провести не один день.

Юлихико поклонился участникам и приступил к докладу. Его речь была посвящена ядерным рискам. Он сообщил, что всеобщую модернизацию вооружения не удастся остановить ни на земле, ни в космосе, что переговоры о сокращении арсеналов не имеют результатов, соглашения только об ответном применении атомных средств не подписываются, а члены Ядерного клуба все чаще признают оружие массового поражения более пригодным для использования, что говорит о несомненном увеличении рисков его скорого фактического применения. В заключение Юлихико сказал, что такой мрачный прогноз все же не должен влиять на положение часов и может быть признан обнадеживающим... И далее начал произносить вещи, по убеждению Насти, невообразимые:

— Вероятность ядерной войны в наши дни реальна, как никогда. Южная Азия является собой горячую точку, существуют неразрешимые проблемы в Иране. Мы верим в непреложный закон памяти о великих событиях. Мысли о трагедии хранятся в головах людей лишь в течение жизни одного поколения, примерно пятьдесят лет. А значит, давно настало время снова применить ядерное оружие. Люди начали забывать, стали испытывать ненадлежащие чувства, задавать странные вопросы. Средство сдерживания работает, только когда его периодически применяют. А с момента первого удара по Японии, по моей стране, прошло уже более семидесяти пяти лет. Наш народ пережил

удар, выдержат и другие. Нынешняя война есть пиар. И что может быть оглушительней повторного применения. Мы уже на пороге. Но не нужно этого бояться. Это случится под благовидным предлогом на периферии мира, во имя правды, борьбы с терроризмом и геноцидом. Наша цивилизация не погибнет, а лишь встрепенется, чтобы затем позабыть об оружии на следующие пятьдесят-семьдесят лет! — и Юлихико замер в глубоком поклоне под восхищенные аплодисменты присутствующих в зале людей.

Настя не могла поверить в случившееся безобразие, в какой-то душевный вывих лучших из людей, в безумный хмель их почерневших глаз, в неприкрытое восхваление смерти, в людскую кровожадность до гибели. Она внутри вся съежилась, ей сильно-сильно захотелось оставить это собрание, очиститься от него, оказаться в ином, отличном месте, рядом с Петром...

Разглядывая участника Совета, Настя увидела, что Алексей Юшкин тоже возмущен призывами коллег.

— Брон, коллеги, позвольте мне выступить следующим, — возбужденно обратился к участникам Алексей. — Полагаю, разговоры о ценности человеческой жизни тесно связаны с вопросами преобразования нашего общества, о которых я хотел говорить.

— Да, Алексей, пожалуйста. Коллеги, прошу вас.

— Уважаемый Совет, я буду говорить о внутренней миграции, происходящей в душе каждого нашего современника, об искажении глубинных ценностей жизни современного общества... Сегодня мы все устали от потребления. Наш мир — лишь погоня за улучшением качества индивидуальной жизни. Мы не чувствуем самореализации, страдаем от безыдейности. Отсюда возникает неодолимое желание манифеста, выкрика, даже страдания, острая потребность в создании иных горизонтов бытия. Многие из нас, испытывая одиночество неустроенного человека, не имея возможности стать кем-то, сбегают от жизни, стремятся спрятаться от нее. От безысходности мы изменяем сознание через напитки и возбуждающие вещества, травестируем исконные отношения между людьми, превращая их в извращенные, называем порочное поведение свободной личности, не умея сказать произволу своих желаний: нет. В наше время подлинным эпатажем становится разговор о традиционных ценностях, здоровых нравах...

— Алексей, вы расплываетесь в мыслях! — недовольно перебила его Брон. — Насколько я вижу, тема вашего доклада иная. Переходите к сути вопроса. В чем вы теперь пытаетесь нас убедить?..

— Да, да, к сути... В нынешнем беспорядке общества больше всего пострадали женщины! Всеобщая нравственная усталость требует теперь именно от них некоего волшебного преобразования. Теперь все ждут чего-то именно от женщин. Для них придумали эгалитарские идеалы. И они поверили в недостаточность материнского высказывания в жизни и даже в преступность оного. Женщина сегодня должна добиться признания независимо от рождения детей, не заводить их, не потому, что не смогла, а потому, что не захотела. И все это к чему нас привело? Женщины теперь не вступают в союз с мужчиной, брак угнетает их. И как только проблемы независимой репродукции будут решены, отношения между полами окончательно потеряют смысл. Телесная автономия, устроенная в искусственной китайской матке, — вот чего желают женщины! Они забывают, что мужчины трепетно относятся к ним, обожая их хрупкую природу, уязвимость в моменты материнства. А решительный отказ женщины от деторождения убивает мужское трепетное к ней отношение, она перестает побуждать его на всякое дело, на всякий подвиг...

«Почему у нас не было детей? Действительно, почему?..» — нахлынули вереницей воспоминания, и Настя погрузилась в какой-то сонный морок.

Морок

Она снова стояла перед крыльцом своего немногэтажного дома. Было светло, но дом казался Насте каким-то потемневшим, состарившимся, точно тень легла на него. Справа от входа располагался ее любимый клен с густой круглой кроной, который даже в мрачные дни листопада и увядания тянулся ветвями к небу, точно припоминая часы, когда солнце было теплым и ласковым. Обычно клен шелестел ветвями на ветру, встречая Настю, а теперь стоял недвижимо, храня безмолвие.

Какие-то люди в невзрачной одежде подходили к подъезду. И Настя с ужасом поняла, что дом готовился к похоронам. Ей вдруг показалось, что самое непоправимое, чего она боялась больше всего на свете, случилось. И она побежала, расталкивая ладонями и локтями заходящих внутрь мужчин и женщин. Люди пропускали ее, расступались смиренно и глядели вслед как-то странно, точно жалея ее.

Добежав до своего этажа, Настя увидела, что все эти незнакомцы поднимаются вереницей в ее квартиру.

Входная дверь была распахнута, и Настя, пробежав мимо кухни, оказалась в гостиной. У входа в спальню столпились люди. Настя попыталась прорваться через толпу, требовала, чтобы ее пропустили, но люди лишь недовольно оглядывались на нее и не давали пройти, некоторые даже отпихивали ее и как-то ехидно посмеивались. Настя так и не смогла попасть в спальню, ничего не сумела разглядеть и за спинами-пиджаками, спинами-кофтами. Она лишь почувствовала сильный запах ладана, доносящийся оттуда, и гулкий невнятный голос, читающий что-то в глубине, у кровати в углу. Казалось, читали Евангелие, но, кроме глаголов «жил», «проживал», «был» и «страдал», Насте не удавалось ничего уловить.

Обессилев, она села на пол у стены и заплакала от обиды. Оглядевшись, она увидела, что гостиная больше не была прежней. Вся обстановка и мебель из комнаты были вынесены. Вдоль стен были расставлены длинные столы, и какие-то женщины носили к ним наливки, кутью, пироги и другие закуски.

Внезапно Настя увидела ссутулившегося старика у окна, он сидел на стуле напротив распахнутых ставней и глядел бесчувственно куда-то вдаль. Приглядевшись, Настя узнала в нем Петра. Он сильно похудел, осунулся и оброс, его губы как-то болезненно искривились.

Настя подбежала к нему и стала обнимать, целовать в губы и в щеки.

— Бедный, бедный мой! Жив! Ну как же ты тут без меня?!

— Да вот видишь, нездоров... — ответил Петр неживым, хрипящим голосом и указал скрюченным пальцем на стену у окна. — Зеркало разбилось... Скоро придут... Лишь дочитает отец свою книгу... Встречающих полный дом... Все мы от одной заразы...

Настя посмотрела в сторону людей, затем на зеркало на стене и увидела большие, расплзающиеся по нему во все стороны трещины. Под зеркалом стоял стол, а на нем иконка и свечи восковые. Парадный костюм Петра висел тут же на спинке стула.

— Что за ерунду ты говоришь! Я ведь теперь вернулась!

— Без тебя дом казался таким пустым. Ты же знаешь, что я ничего не могу правильно сделать. Ну, вот и не осилил... — и Петр посмотрел на нее с какой-то тихой улыбкой и совершенно бесчувственным взглядом.

— Прости меня. Я совершила ужасную ошибку. Ведь не было никого, кто нуждался во мне так, как ты... — и слезы у Насти потекли сами собой. — Давай уйдем отсюда! Сейчас же уйдем!

— Нельзя теперь, милая...

— Почему нельзя? Скажи! Скажи! Прости меня...

— Ты мне ничего не сделала...

— Нет, не только за себя прости, за всех прости, кому не помогла, кого не успела...

Петр хотел что-то ответить, сжал Настины ладони, зашевелил губами и внезапно весь сник. А затем распустил руки и, прикрыв глаза, привалился к раме. В этот момент Насте показалось, будто дыхание его улетело в окно.

Тут же Настю со всех сторон обступили незнакомые люди, чьи-то цепкие руки оторвали ее от Петра. Настя кричала, сопротивлялась, звала мужа, но тут морок рассеялся, и она вновь оказалась на заседании Совета.

В комнате стояла невыносимая духота, а разговор к тому моменту уже давно свернул с приличного русла. Раздавались крики, ученые перебивали друг друга, брызгались водой, показывали друг другу рискованные жесты.

— Знаю я все про вас! — выкрикивал Алексею, причмокивая, американский губернатор, вызывающе закинув ноги на стол. — Вы никогда не употребляли свет для человека, лишь расточали его перед раскрашенными досками! Некоторым народам не прививается прогресс, вы безнадежны. Эти ваши скрепы есть причина протестов против вакцины, против контрацепции!

— Мондые, эгалитарские идеалы очень даже достижимы! — кричал, вскочив на ноги, француз, потрясая судорожно руками. — У нас в Европе живут сытые люди успеха, люди триумфа, мотивированные, приветливые. А у вас — унылые, затравленные провинциалы, цепляющиеся за сомнительное прошлое.

— Врешь, гадо! — широко упершись руками в стол, отвечал разъяренно Алексей, лицо его от натуги покраснелось, волосы вздыбились. — Твоя сытая Европа уже с детства сидит на антидепрессантах, не засыпает без транквилизаторов.

— Вы больны мезогинией, Алексей! Я еще при встрече заметила, как снисходительно вы пожали мне руку! — возмущалась Брон. — Да, когда-то люди ели сырое мясо, а женщин насиловали похожие на вас волосатые и неаккуратные мужчины с большими дубинами! Но те времена давно позади. И сегодня брак есть вынужденная мука встречающих друг друга зевотой людей. Их жизнь — ужасающее сожительство плацкартного вагона в жару, где ходят все эти абсолютно обнаженные мужчины, повсюду торчат их зловонные ноги, а из-под простынки показываются не белые от долгого потребления трусы... Вы бы лучше тратили время на авиацию и космонавтику, а не на эту мракобесную борьбу! В конце концов, не мы появились из мужского ребра, а вы, маленькие, неуверенные, постоянно пахнущие сероводородом мальчишки, шлаком выпали из нашей вагины!

— У вас просто зуд! От нехватки внимания, от недостачи!.. — кричал в ответ Алексей.

«Боже мой, зачем я здесь... Почему присутствую на этом пустосовете...» — сокрушалась Настя и, проверив в очередной раз сообщения и звонки, поднялась, чтобы покинуть комнату.

— Куда же вы, Настя? Неужели не видите, здесь разворачивается битва между добром и злом? — попыталась остановить ее Брон. — Не обращайтесь внимания на Алексея, он наакался меда и теперь возбужден праздником и собственной значимостью.

— У меня разболелась голова, Брон, от этого крика, от ссор. Простите, я только умоюсь и сразу вернусь.

Выбегая из комнаты, Настя слышала, как защищался от нападавшего на него Совет Алексей, выкрикивая про гражданское оправдание всякой мерзости, про одиноких людей подлунного света, которых непременно нужно выводить на чистую воду...

Разрушение апостасии

Настя снова оказалась в каминном зале, огонь все так же вылетал из расположенной под полом печи, окрашивая inferнальным пламенем стены и привратников, не-

движимо охранявших выход. Увидев их, Настя развернулась и уверенным шагом направилась в комнату с часами.

«Это было просто видение, от духоты, от криков. Петр, только живи, столько часов с тобой впустую расплескали...» — думала про себя Настя.

Отдав удивленным хранителям времени распоряжения, заверив их в окончании Совета, Настя заняла место докладчика на трибуне и, когда оборудование и камеры перестали жужжать и остановились в назначенном положении, начала доклад.

— Тринадцатое января, 2022 года. Лидерам и гражданам мира. Больше нет времени для пробуждения. До полуночи осталось «ноль секунд»... — в этот момент хранители сбросили черную ткань с часов, обе стрелки на них были на отметке «двенадцать», персонал, операторы, находящиеся в комнате, ахнули и испуганно зашептались, как и многие люди на улицах и в своих домах по всей земле. — Мир вышел из постигшей его страшной пандемии, но победу ему не праздновать. Произошло гораздо худшее, непоправимое. Лидеры призывали нас угождать большим поколениям, прислушиваться к ним. И в этой гонке мы потеряли всеобщие ориентиры. Нет больше правды, вокруг которой мы все согласны, ничто более не соединяет нас. Мир разваливается на глазах, и мы уже более не хотим его сохранять, не желаем слушать друг друга, и даже лучшие из нас во имя великих целей не находят способов договориться. Люди растеряны, не знают, что делать и где себя применить... Полночь уже наступила, и теперь только мы, все вместе, можем спасти человечество. Забудьте свои проблемы, большие и малые, споры, частые и редкие, возьмите в свои руки власть над временем и прекратите его бесполезный бег. Каждый из нас важен. Где бы вы ни были, обнимите того, кто рядом. Оставьте работу и езжайте домой, чтобы говорить близким о любви, чтобы преодолеть разъединение и обособленность. И тогда никто из нас никогда не умрет. В этом спасение, в этом лекарство от болезни, в этом заключена тихая правда нашего мира! И во все времена было одно и то же! Нужно только об этом помнить и никогда не забывать!..

Закончив доклад, Настя покинула душную, полутемную избу, выбежав на морозный воздух, и только здесь наконец смогла раздышаться, просветлеть мыслями. Солнце уже давно скрылось, но на небе не было видно луны. Освещенные фонарями дорожки замело, никто по ним в город не возвращался.

Поскальзываясь, не разбирая дороги, Настя спускалась по лестнице в низину. Какие-то тени, словно всадники, съехались у сухого дерева на другом берегу. И Настя с грустью подумала, что клен у ее дома, разлученный когда-то с родной рощей и возвращенный людьми в окружении камней, ждет со временем такое же угасание в пустоте, в одиночестве.

Вдруг одна из теней отделилась от дерева и выскочила на соединяющий берега мост. Это был тот самый смоляной пес, который встречал Настю утром. Теперь он хотел ее непременно догнать. Доски под ним скрипели, точно деревья на сильном морозе, и в глухой тишине раздавался страшный копытливый стук.

Настя бежала вдоль реки, чудовище настигало ее, было позади, совсем рядом. Снег разъезжался под ногами, открывая коварную, зыбкую поверхность льда. Настя чувствовала зловоние псины, но не страшилась теперь ни клыков, ни когтей. Лишь боялась, что погибнет именно теперь, прежде чем успеет объясниться с Петром...

На мгновение обернулась, желая отогнать пса. Но потеряла равновесие и опрокинулась с деревянного настила в пропасть реки Медвенки.

Крепкий, застывший лед неестественно хрустнул. Настя вдруг почувствовала, точно кто-то прихватил ее за горло, сковав вмиг дыхание, тело закололо иголками, и от сильного биения сердца стало казаться, что она поплыла над водой, над растрескавшимся льдом, над домами, оврагами и дорогой...

Эпилог

Выступление Насти произвело настоящий переполох. Казалось, все кругом посходили с ума. Гудели неумоимо машины, звучала залихватская музыка. Необыкновенно много пьяного народу со рдеющими, сияющими лицами вмиг оказалось на улицах. Приличные, одурманенные чрезмерным питием мужчины повсюду валялись в кюветах, а вокруг них бегали жены с кричащими на руках младенцами. Смеявшиеся совсем недавно начинали без причины плакать, завязывать драки, заводить ссоры...

Все ожидали великого катаклизма, но он не случился... И когда закончился этот удушливый, экстатический день, Совет выступил с новым докладом, принес извинения, объяснился. И все снова пошло своим чередом...

Алексея Юшкина в тот же день исключили из Совета, а Настю с тех пор никто не видел.

Коллеги из института в конце концов вместе с полицией взломали двери в ее квартиру. Все стены внутри были усеяны записками разной величины: «Прости меня...», «Я пишу тебе о главном каждый день, с той самой ночи...», «Не сдержала я обещаний... Но очень хотела их исполнить...», «Мне бы поглядеть на тебя хотя бы раз...», «Жаль, что у нас не случился младенец...».

Опросив соседей, полицейские выяснили, что Настя, каждый раз возвращаясь с работы, уверяла их, что однажды она вернется домой вовремя и Петр встретит ее на пороге.